

УДК 94(47)"1904/1905"

**РОЛЬ ЦЕНЗУРЫ В ОСВЕЩЕНИИ
РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ ГАЗЕТОЙ
«КАЗАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ» (1904–1905 гг.)**

В.А. Зайцев

Аннотация

В статье на примере газеты «Казанский телеграф» затрагивается тема освещения русско-японской войны в провинциальной прессе и влияния на нее предварительной цензуры. Показываются принципы работы цензора и его идеологическая обусловленность в цензировании тех «военных» статей, где находили место невоенные сюжеты, а война становилась поводом для критики государственной системы. На конкретных примерах раскрывается активная роль цензуры в формировании образа войны.

Газета «Казанский телеграф» имеет многолетнюю историю (1893–1917 гг.). В 1904–1905 гг. это была одна из самых авторитетных и самая тиражная ежедневная городская газета¹. С началом русско-японской войны одно из главных мест стало отводиться статьям военной тематики, на материале которых можно решить вопрос о принадлежности газеты к той или иной политической традиции и ценностных ориентациях ее редакции. В советской историографии тиражировалось положение о том, что «Казанский телеграф», возникший как умеренно-либеральный орган, к 1905 г. сильно «поправел», став органом черносотенным².

Анализируя газетные материалы, следует учитывать роль цензуры в формировании «лица» газеты. Специфика прессы как источника заключается в том, что она состоит из текстов, зачастую внешне разнородных, разножанровых. Все эти тексты объединены, во-первых, позицией редакции, во-вторых, все они подвергались предварительной цензуре. Цензор мог отложить или запретить напечатание материала под формальным предлогом, а также изменить смысл текста, делая его «одномерным» (иногда при этом смысл менялся на противоположный). Иными словами, цензура задавала нормы и модели письменной

¹ Хайрутдинова Л.Ф. «Казанский телеграф»: литературно-критическое наследие (1893–1917 гг.). – Казань: Мастер-Лайн, 2000. – С. 25.

² Муллина Л.Б. «Волжский Листок» в 1905 г. // Из истории местной периодической печати. Сб. науч. работ. Вып. 1. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1960. – С. 27. Истоки этого явления следует искать в отношении Казанского комитета РСДРП к личности редактора газеты Н.А. Ильяшенко. В листовке, изданной комитетом в феврале 1905 г., редактор назывался одним из организаторов студенческих погромов. См.: Листовки казанских большевиков в период первой русской революции 1905–1907 гг.: Сб. документов. – Казань: Татгосиздат, 1955. – С. 39.

речи. Цензоры следовали не столько букве, сколько духу законов, руководствуясь собственным чутьем и теорией официальной народности¹.

В Казани обязанности отдельного цензора в 1904 г. и позже выполнял чиновник Министерства народного просвещения, директор Татарской учительской школы М.Н. Пинегин. Можно условно выделить несколько уровней вмешательства цензуры в тексты «военных» статей. Наиболее формальный был обусловлен циркулярами Главного управления по делам печати о сохранении «военной тайны». Сохранением «военной тайны» занималась цензура штаба Казанского военного округа, довольно «беззубая»; миновав штаб, статья попадала на рассмотрение общей цензуры. Циркуляры, отсылающие к разным статьям «Устава о цензуре и печати», позволяли вырезать все, что касалось внутривнутриполитической жизни, из «военных» статей, в которых война становилась только *поводом для обсуждения текущей внутривнутриполитической ситуации*. Наиболее глубокий уровень вмешательства определялся во многом личностью цензора, его менталитетом. Здесь придирки обуславливались не столько «Уставом...» и циркулярами, сколько государственной идеологией, все зависело от того, насколько глубоко усвоена эта идеология конкретным человеком. Это «ценностный» уровень, часто не до конца осознаваемый цензором.

В советской историографии М.Н. Пинегин характеризуется как реакционер и монархист, выделявшийся даже на фоне своих коллег². Документы, вышедшие из-под пера цензора, достоверно и ярко рисуют нам ценностные координаты, в которых он, по долгу службы, рассматривал газетные статьи. М.Н. Пинегин во многих документах официального делопроизводства предстает открытым сторонником клерикализма, монархизма, социального и национального расизма³. Далее рассмотрим несколько наиболее ярких сюжетов, связанных с его цензурованием военных статей. При этом мы постараемся задать аксиологический фокус рассмотрения, почти не касаясь того, что принято называть «военной тайной».

Трепетное отношение к монархии как форме государственного устройства выражалось в скрупулезной редакции статей, посвященных особенностям политической жизни враждебного государства – Японии. Многие исправления исключали появления у читателя самой мысли о возможности восстания против монарха – как японского, так и русского⁴. В публикации с описанием парламентского строя Японии не пропускались упоминания о прогрессистах; здесь же цензору не понравилось, что журналист сравнил нижнюю палату японского

¹ Патрушева Н.Г. [Вступительная статья] // Цензура в России в конце XIX – начале XX века: Сб. воспоминаний. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. – С. 38.

² Муллина Л.Б. Указ. соч. – С. 44.

³ Так, в записке с характеристикой личности редактора-издателя журнала «Деятель» А.Т. Соловьева для разрешения последнему издавать газету «Русь православная и самодержавная» М.Н. Пинегин прямо говорит, что газета может распространяться в «полуинтеллигентной среде и простом народе, т. е. тех классах, которые особенно нуждаются в надлежащем руководстве их умственным настроением» (курсив наш. – В.З.). Кроме того, он призывает губернатора разрешить Соловьеву издавать «Русь...» именно в силу того, что в ней будут проводиться патриотические идеи о необходимости для России самодержавия, православия и народности (Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 420. – Оп. 1. – Д. 45. – Л. 3 об.).

⁴ На Дальнем Востоке // Казанский телеграф. – 1904. – 10 янв. – С. 2.

парламента с «олицетворением народной воли», невольно вызывая в памяти читателей русских революционеров-народников¹.

Первым элементом триединой формулы теории официальной народности было «православие». Соответственно, по мысли цензора, все население России должно было быть православным. Лишая возможности высказаться на страницах газеты представителей других конфессий, цензор тем самым менял направленность дискурса: получалось, что общество сливалось в едином патриотическом порыве, причем оно представлялось как однородное и в религиозном плане.

С началом войны цензура стала уделять пристальное внимание патриотическим телеграммам и сообщениям о молебствиях инославных конфессий, главным образом старообрядцев, а также иудеев и мусульман. Например, статья с текстом мусульманской молитвы по случаю гибели адмирала Макарова не была пропущена². Многие перепечатки из татарской газеты «Тарджеман», рисующие картины участия мусульман в войне, нещадно вырезались либо откладывались. Сочувствие к Японии мусульман других стран и их злорадство по поводу неудач России сознательно затемнялось, затушевывалось цензорскими исправлениями. Справедливости ради нужно сказать, что большая часть материалов, связанных с мусульманами, все же проходила после определенной редакции, иногда безобидной³.

Не менее пристальному надзору подвергались все тексты, в которых так или иначе затрагивалась Православная Церковь. Например, была серьезно исправлена проповедь епископа по поводу начала войны⁴. Напряженные отношения между монахами в армии – старообрядцами и православными – описывались в заметке «короля военного репортажа» В.И. Немировича-Данченко⁵. Цензор смягчил степень этой вражды. Статья-отклик казанского консервативного публициста А. Рождествина с гневным осуждением религиозной вражды под названием «Неужели правда?» была отложена⁶.

Одним из признаков черносотенной идеологии является животный, биологический антисемитизм. Вообще, антисемитизм не был характерен для публикаций «Казанского телеграфа», по крайней мере до 1905 г. Например, приказ командующего Казанским военным округом генерала А.И. Косича, опубликованный в январе 1904 г., характеризовал призывников разных национальностей, особенно нелестно отзываясь о евреях⁷. Приказ сопровождался большой статьей от редакции, в которой высмеивались попытки командующего разоблачить очередной «еврейский заговор», – эта статья не была пропущена цензурой. С другой стороны, сообщение о молебствии евреев о победе русского оружия было оставлено, даже фраза об исполнении иудеями «Боже, Царя храни...» на еврей-

¹ Парламент, политические партии и правительство в Японии // Казанский телеграф. – 1904. – 13 февр. – С. 3.

² Молитва в мечети по случаю кончины адм. Макарова // Там же. – 1904. – 4 апр. – С. 3.

³ Например, «молебны-панихиды» исправлялось на более корректное «моления» (см.: Сегодня во всех мусульманских мечетях... // Там же. – 1904. – 16 апр. – С. 3).

⁴ Алексей, епископ. Речь, сказанная в Казанском кафедральном соборе // Там же. – 1904. – 30 янв. – С. 3.

⁵ Немирович-Данченко В.И. Перед смертью // Там же. – 1905. – 4 янв. – С. 3.

⁶ Рождествин А.С. Неужели правда? // Там же. – 1905. – 5 янв. – С. 2.

⁷ По поводу приказа командующего... // Там же. – 1904. – 24 янв. – С. 2.

ском языке¹. В запрещенной заметке, сообщавшей о прибытии большой партии запасных в Минск и вызвавшей боязнь погромов среди городских евреев, в обтекаемых выражениях указывалось на произвол администрации и на правовую необеспеченность евреев².

Проблема дезертирства по национальному признаку поднималась в переводной статье: итальянский журналист побывал в лагере содержания военнопленных и встретил дезертиров, среди которых было очень много поляков³. Главными причинами назывались отсутствие имперского сознания у католиков-поляков и их обостренное желание национальной независимости. Статья была отложена. В то же время была разрешена гневная отповедь на эту статью, в которой доказывалось, что в армии очень много «патриотически настроенных» польских офицеров, а статья о дезертирах – клевета⁴.

Огромный интерес обывателей к японцам как народу и противнику удовлетворялся многочисленными перепечатками из европейских и российских изданий. В силу этого оценка получалась весьма многогранной. На страницы газеты неизбежно проникали западные, во многом мифологизированные взгляды на Японию как на почти европейскую страну, которая превосходит Россию по уровню культуры и теперь выполняет цивилизаторскую миссию в Азии. Так, в одной статье утверждалось, что со времен средневековья роли переменялись: «Восток стал культурнее когда-то разгромленного им Запада»; русские объявлялись «воинственными кочевниками»⁵. Статья была серьезно исправлена цензурой в пользу русских. В большом материале о нравах японцев мимоходом давалась оценка японской религии: «Религия японцев проще, но не спорит с другими злобно, что самая лучшая»⁶. Как явный намек на Православную Церковь, это предложение было удалено цензором. Часто не пропускались тексты, исходящие непосредственно от противника, такие, как рапорты, отчеты, телеграммы высших военных чинов Японии⁷. Это делалось для исключения даже признаков враждебной пропаганды; с другой стороны, публика лишалась возможности увидеть войну глазами противника, понять трудности и недостатки, с которыми сталкивалась японская армия. Сильную эмоциональную реакцию должны были вызывать публикации японских песен. Так, «Песня гейш» представляла собой глубоко шовинистическое произведение, оправдывающее японскую агрессию⁸. Еще одна «патриотическая песня» японцев, перепечатанная из газеты «Русь», полна антирусской ксенофобии⁹.

Статьи, содержащие социально окрашенные оценки, отличались своей либерально-демократической направленностью и исправлялись очень часто. В фельетоне постоянного автора газеты, писавшего под псевдонимом Пошехонец, были вырезаны цитаты японского либерала Катайямы о том, что на войне по-

¹ Молебствие в казанском еврейском молитвенном доме // Казанский телеграф. – 1904. – 3 февр. – С. 3.

² Население г. Минска... // Там же. – 1904. – 29 дек. – С. 2.

³ *Барцини Л.* У русских дезертиров // Там же. – 1904. – 19 окт. – С. 3.

⁴ Разъяснение // Там же. – 1904. – 13 нояб. – С. 3.

⁵ Панмонголизм в русских «пророках» // Там же. – 1904. – 13 янв. – С. 2.

⁶ Японцы о японцах (Из «Одесского листка») // Там же. – 1904. – 11 апр. – С. 5.

⁷ Рапорт адмирала Того // Там же. – 1904. – 10 февр. – С. 3.

⁸ Воинственные песни гейш // Там же. – С. 2.

⁹ Патриотические мечтания японцев // Там же. – 1904. – 9 мая. – С. 4.

гибают только рабочие, крестьяне и ремесленники, что Манчжурия нужна капиталистам¹. На первый взгляд, такая «пораженческая» позиция в стане врагов не должна была вызывать цензорских придирок. В действительности в ней содержался посыл, опасный для «начал государственности», так как статья зеркально отражала российскую действительность, где были свои капиталисты и «простой люд».

Перед журналистами вставала проблема вклада разных социальных слоев в дело победы над врагом. Особенно большое неприятие газетчиков вызывали военные поставщики и всевозможные спекулянты, наживавшиеся на войне. В одной из статей прямо сопоставлялись бесчестный предприниматель-спекулянт, делавший состояние на военных поставках, и простые солдаты, готовые «положить голову»². В другой публикации ставился вопрос: почему лавочник-кулак становится почетным гражданином, а герой-солдат не может им стать?³ Здесь речь шла о вертикальной мобильности в российском обществе и о невозможности подняться по социальной лестнице даже героям, пролившим кровь за Царя и Отечество; значит, в обществе ценится *богатство*, а не *геройство*. В статье о пожертвованиях разных слоев автор приходил к выводу, что богатые и бедные жертвуют не пропорционально, перевес явно в пользу бедных. Автор идет еще дальше, осуждая эксплуатацию, и приходит к выводу, что «война с особенной силой подчеркивает изъяны политического и экономического равновесия в обществе»⁴.

Проблема жертвований прямо связывалась с недостатками общественно-го устройства. В этой связи нужно коснуться проблемы земств. С самого начала войны они требовали расширения своих прав и объясняли это необходимостью эффективной помощи армии. Лозунг земств формулировался примерно так: «Возьмите все наше и отдайте Отечеству»⁵. По этой логике, если у земств нечего будет взять, то они ничего не смогут дать, поэтому им необходимы права. В связи с жертвованиями земств возникала новая проблема неопределенности их юридического статуса. Это породило серию публикаций с разбором вопроса, должно ли земство тратиться на войну⁶. В эпоху «либеральной весны Святополк-Мирского» газета печатала материалы о бюрократических препонах перед земствами, стремящимися объединиться в один общероссийский союз для помощи армии. Позже, во время революции, эта проблема разрослась до созыва Земского Собора из людей, выбранных всей землей, который должен был решить вопрос о войне и мире.

Подводя итог, обратимся к ежегодным цензорским отчетам: и в 1904 г., и в 1905 г. М.Н. Пинегин хвалит «Казанский телеграф» за патриотизм в деле освещения войны⁷. Однако нужно учитывать то обстоятельство, что «патриотичной» газета стала во многом благодаря стараниям цензора. В целом для 1905 г. по

¹ Пошехонец. Около войны // Казанский телеграф. – 1904. – 15 февр. – С. 4.

² Последние известия // Там же. – 1904. – 16 февр. – С. 1.

³ Родина и герои // Там же. – 1904. – 28 марта. – С. 4.

⁴ Хмурый А. На помощь больным и раненым // Там же. – 1904. – 11 мая. – С. 4.

⁵ Возьмите все наше и отдайте Отечеству // Там же. – 1904. – 10 февр. – С. 2.

⁶ Аненков М. 1) Имеет ли право земство жертвовать... // Там же. – 1904. – 6 апр. – С. 3; 2) Нет ничего легче, чем жертвовать из «ящичка»... // Там же. – 10 апр. – С. 3; 3) О разных разностях // Там же. – 1904. – 29 апр. – С. 3.

⁷ НА РТ. Ф. 420. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 59 об., 60; Ф. 420. – Д. 38. – Л. 53 об.

сравнению с 1904 г. характерно увеличение количества военных публикаций, обусловленных консервативной идеологией. Тем не менее «Казанский телеграф» не стал по-настоящему клерикально-монархическим изданием. Газеты, подвергнутые предварительной цензуре, дают возможность понять, как в условиях войны в речевой практике реализовывалась идеология. Можно проследить конфликт идеологий – либеральной и консервативной, основанной на триединой формуле «официальной народности». Цензор выступал агентом последней, не пропускал одни тексты и деформировал другие. Цензор активно формировал информационное пространство, насыщенное новыми ценностями и смыслами.

Summary

V.A. Zaytsev. The Role of Censure in Russian-Japanese War Coverage by «Kazan Telegraph» Newspaper (1904–1905).

The topic of Russian-Japanese War coverage and precensorship influence on it are regarded in the article on the example of «Kazan Telegraph» newspaper. The principles of censor's work and his ideological conditionality are shown in revising «military» articles with non-military subjects, where the war becomes an occasion for criticism of state system. Censure's active role in forming the image of war is revealed with certain examples.

Поступила в редакцию
21.09.07

Зайцев Виталий Александрович – аспирант кафедры музеологии Казанского государственного университета.